

ПОЛИТИКА

¹ В основу работы легли выступления автора на собраниях Ассоциации народных депутатов СССР в конце 2008 г. и в Международном университете в Москве в феврале 2009 г.

Г.Х. Попов О ПРОБЛЕМАХ КРИЗИСА 2008 г.¹

Чаще всего предлагаются две версии основных причин кризиса. Согласно первой, кризисы являются обязательной чертой рыночной экономики. Без них она не может существовать. По второй, кризис 2008 г. стал результатом конкретных действий конкретных стран и лидеров. Тогда напрашивается вывод, что, изменив эти действия, можно выйти из кризиса.

На мой взгляд, обе версии неприемлемы.

Первая сводит меры борьбы к защите от опасных последствий кризиса, снимает вопрос об ответственности и рекомендует «плыть по течению». В соответствии с этой версией надо просто ждать конца кризиса — мол, за зимой обязательно придет весна. Между тем будущее сулит новые кризисы.

Вторая версия крайне упрощает проблему. Из нее вытекают только разовые меры, якобы способные снять будущие угрозы.

Все гораздо сложнее. Кризис 2008 г. по масштабам сопоставим со знаменитым крахом 1929 г. Восемьдесят лет назад кризис стал набатным колоколом, возвестившим о конце целой эпохи. Кризис 2008 г. — тоже набат, сигнализирующий о неудовлетворительности нынешнего пути мирового развития в целом, движение по которому началось после окончания «холодной войны» и распада СССР.

После кризиса 1929 г. человечество выбирало между тремя вариантами выхода из классического капитализма: советским социализмом, национал-социализмом и «новым курсом» Рузвельта, по сути являвшимся курсом на постиндустриальное общество.

К 1945 г. полностью провалился национал-социализм, а в 1989 г. и советский социализм. Победил их новый постиндустриальный строй, успешно утвердившийся в США и Западной Европе.

Зачастую это интерпретируют как победу капитализма и поражение социализма. Согласен с тем, что поражение социализма действительно имело место, однако первая часть формулировки все же не соответствует действительности. Социализм мог быть побежден только более высоким строем, чем капитализм, то есть постиндустриальным. Но такой оценки после 1989 г. не прозвучало. В результате и практические выводы были сделаны на основе ложного тезиса о победе капитализма.

Первый из них касался экономики. Была выдвинута та идея, что Западу надо отступить от мер в части огосударствления, национализации и т.д., вынужденно принятых в ходе борьбы с СССР, и двинуться

обратно, в сторону господства монополистических группировок, крупных частных организаций. Ошибочно полагать, что процесс движения к олигархии и соответствующей ей финансовой экономике был сугубо российским явлением. Во всем мире шел массовый процесс отхода от различных форм государственного регулирования в пользу олигархической организации экономики.

Второй вывод состоял в необходимости существенно сократить те достижения, которые были достигнуты в социальной области как в СССР, так и в капиталистических странах. Их наличие объясняли борьбой двух систем и вынужденными уступками массам в ходе этой борьбы. Сокращение происходило таким образом, что все социальное было низведено до потребительства. Вместо развития человеческой личности единственным императивом стало стремление сытнее накормить, лучше обслужить и т.д.

Третий вывод касался политической области. Было решено взять за основу вариант популистской буржуазной демократии, утвердившейся на Западе в ходе «холодной войны».

Четвертый вывод был связан с тем, что оказались не поняты и в целом проигнорированы новые тенденции развития человеческой цивилизации: научно-техническая революция; превращение интеллигенции в основной класс общества; превращение бюрократии в господствующую силу и в государстве, и в крупном частном секторе; навязывание бюрократических критериев и бюрократической ограниченности в качестве руководящих начал.

Пятый вывод касался международной обстановки. Было принято как должное, что Соединенные Штаты Америки возглавят мировую систему и станут ведущим организатором мирового развития, как бы вершиной глобальной пирамиды.

Как представляется, именно движение по всем этим пяти направлениям в последние два десятилетия закончилось нынешним кризисом.

Обычно хорошо учит поражение, а победа лишает мысль ясности. В 1989—1991 гг. повторилась ошибка 1945 г., когда Сталин забыл, что победу в войне принес патриотизм русского и других народов СССР. Он предпочел проигнорировать поражение государственного социализма в 1941 г. и истолковал победу как доказательство жизнеспособности системы и ненужности реформ.

Примечательно, что схожую позицию после победы 1945 г. занял и У.Черчилль, взяв курс на сохранение Британской империи. В то же время была проигнорирована правильная оценка победы как свидетельства перспектив нового строя, сделанная Рузвельтом. Такие ошибки обычно дорого обходятся.

Вот и в 1991 г. победа над государственным социализмом затормозила постиндустриальное развитие и даже привела к отступлению от этого пути в пользу олигархического капитализма. Среди причин нынешнего кризиса эта — основная.

Рассмотрим только экономический аспект кризиса 2008 г.

Экономику, которую поразил кризис 2008 г., можно назвать финансовой. Формально она оперирует знакомыми экономическими инструментами — деньгами, кредитом, процентом, акциями, налогами. Но за ними стоят новые процессы и явления.

Первая проблема — деньги, которые, как известно, являются важнейшим инструментом рынка. В конкурентной борьбе при капитализме они позволяют определить общественную стоимость, стать универсальным регулятором и измерителем и т.д. При социализме деньги тоже были учетным средством всего и вся в системе государственного директивного планирования.

Что произошло сейчас? На мой взгляд, произошло превращение денег из объективного регулятора и показателя действительной ситуации в экономике в своего рода знаковый инструмент, уже не являющийся элементом целостной системы, а существующий сам по себе, то есть волюнтаристский.

Вспомним сцену из «Мастера и Маргариты», когда Коровьев бросал в зрительный зал червонцы. Так вот сейчас происходит в точности такая же операция — в духе «сеанса черной магии» Воланда.

Но эту операцию можно проводить только потому, что сами деньги потеряли ту роль, которую они играли прежде. Мы с ними обращаемся так, как будто они по-прежнему представляют собой реальный и объективный инструмент. На самом же деле это уже давно просто квитанции. Конечно, не этикетки с бутылок из-под нарзана, в которые превращались деньги Воланда; но тем не менее нынешние деньги гораздо ближе к «червонцам» Воланда и нарзанным этикеткам, нежели к реальным золотым деньгам. Я не поклонник Гринспена — известного организатора американской финансовой системы, но он в свое время правильно сказал, что отход от золотого обеспечения денег обязательно закончится катастрофой. Ведь за деньгами должно стоять или золото, или всеобщее государственное регулирование. Так что, образно выражаясь, мы сейчас пытаемся бриться настолько зазубренной бритвой, что нанести она может только раны.

Вторая проблема, о которой надо говорить, — это акции, которые в свое время стали выдающимся шагом в развитии экономики. Ценные бумаги позволили мобилизовать свободные капиталы, в том числе средства самих работников. Это был очень мощный инструмент прогрессивного развития.

Теперь же возникла запутанная градация акций (привилегированные, «золотые» и т.д.). Вся эта путаница позволила исключить из дела огромную массу рядовых акционеров. Владельцы ценных бумаг не имеют никакого отношения к принятию решений в компаниях. Фактически произошел захват акционерного капитала небольшими группами олигархов.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что крупным владельцем акций стало государство. А ведь государство не имеет своих собственных средств. Если оно куда-то входит, то делает это нашими же деньгами.

Реальным акционером стало не само государство, а его бюрократия. Свидетельства о праве собственности оказались в руках не собственников, не народа, а чиновников-временщиков.

Общий вывод — сама природа акционерного капитала существенно изменилась. Создано огромное поле для всяческих махинаций.

Третья проблема — кредит, который некогда тоже был мощнейшим инструментом. Но в современных условиях он превратился в сложную цепочку трансферов. Кредиты государственного банка идут в десяток крупных частных банков, от тех — сотне следующих... Самые мощные олигархи — набитые кредитами пузыри. Для участников цепочки самое главное — откаты в каждом звене цепочки при очередной передаче кредита. А значит, сам кредит превратился в один из элементов спекулятивной экономики.

Четвертая проблема связана с процентом. Вообще процент — это тема древнейшей дискуссии, со времен Библии и Корана.

В 30-е годы прошлого века немецкий бизнесмен из Буэнос-Айреса С.Гезелл² опубликовал книгу «Новое учение о деньгах и проценте», которая затем вошла в его обобщающий труд «Естественный экономический порядок». Им было обнаружено, что движение цен на товары, продающиеся на рынке, связано не только с соотношением спроса и предложения. Цена зависит от банковского процента — цены денег в банке. Если банки предлагают высокий процент, то люди не идут на рынок покупать товары, а сдают деньги в банк. Наоборот, если банки начинают снижать банковский процент, то люди отправляются на рынок и приобретают что-то более реальное.

Другой оригинальный теоретик немка М.Кеннеди написала книгу «Деньги без процентов и инфляции»³. Как и С.Гезелл, она утверждает, что процент — идеальный инструмент для спекуляций. Процент в конце концов попадает в цену товара, а ее платим мы, конечные потребители. Следовательно, все, кто осуществляет махинации с процентами, манипулируют с нашими деньгами.

Есть банковская область, которую не затронул мировой кризис. Вы слышали что-нибудь о кризисе в каком-нибудь чисто исламском банке или в финансовой системе мусульманских стран? А ведь она обслуживает весь исламский мир — это один миллиард человек. Почему тогда нет кризиса исламских банков? Это связано с тем, что там существует иная, не европейская система кредита.

Пятая проблема: финансовая экономика — это экономика посредников, многоэтажная, многозвенная. Раньше все было просто: предприятие — рынок (торговля) — потребитель. Теперь же есть банки, биржи, страховые и прочие компании. Возникли десятки звеньев — в основном посреднических. Есть прибыль. Но есть еще процент, выплаты на акции, страхование акций, кредитование страховщиков и т.д. Когда-то говорили, что такое усложнение экономики есть фактор роста ее эффективности. Но все яснее становится другое: усложнение

² Кстати, Д.М.Кейнс его весьма ценил и писал о нем в 23 главе своей «Общей теории занятости, процента и денег».

³ Эту книгу в 1993 г. перевели на русский язык.

экономики создало базу для появления целых слоев паразитирующих посредников.

Еще одна проблема современной экономики — налоги, то есть система, при которой независимые граждане обеспечивают ресурсами государство (и сохраняют, благодаря своим налогам, контроль над ним). Однако сейчас ситуация радикально поменялась. Ведь в действительности налог платит государству человек, который сам находится на содержании государства. В итоге он получает зарплату из своих выплат государству и из нее опять платит налог ему же. Более бессмысленную систему трудно представить! Если же налог платит государственная корпорация, получается то же самое: перекладывание денег из кармана в карман и появление занятых этим и живящих на этом бюрократов.

И в этой области, и в остальных областях хозяйства сложилась ситуация, требующая пересмотра самых фундаментальных идей, основных представлений об экономике.

Если суммировать, то можно сказать, что современной экономической жизнью руководит не рынок, как это было присуще капитализму. Не Госплан, как это было при социализме. Руководят ею корпорации спекулянтов, которые создали для себя искусственный мир, где можно спокойно наживаться без страха быть пойманными за руку.

Мы сделали гигантский шаг к тому, что экономисты когда-то называли «фиктивным капиталом». Есть и более современное выражение — «финансовые пузыри». Каких только фантомов нет в мире фиктивной экономики, вплоть до займов безо всякого обеспечения и торговли рисками. За этим миром очень трудно обнаружить реальную экономику и реальные процессы. Перед нами в основном мир спекулянтов и паразитов, присосавшихся к экономике. И их проблемы нам навязывают как проблемы самого организма. Мир фиктивного капитала сначала стал вторым лицом нашей экономики, а сейчас превратился в первое и главное. Он и является базой нынешнего кризиса.

Особенности кризиса 2008 г. в России

Главное, что характеризует нынешнюю ситуацию в России, — парадоксальное несоответствие между наличием всех объективных возможностей для минимизации влияния мирового кризиса и субъективной неготовностью правительства и крупного частного бизнеса ими воспользоваться. Объективно имелось все: невиданные валютные резервы (около 600 млрд. долларов), серьезные масштабы экспорта нефти и газа, достаточная внутренняя экономическая, социальная и, как следствие, политическая стабильность. Однако эти возможности не были в полной мере использованы.

Сначала валютные резервы просто копили в духе пушкинского «скупого рыцаря», затем решили размещать их за рубежом — якобы по причине более высокого и более гарантированного процента. Против этого не возражали даже самые рьяные адепты всего «отечественного» —

даже им российская экономика представлялась сомнительным местом для размещения валютных накоплений. Деньги за рубежом разместили в банках и странах, представлявших тем или иным правительственным деятелям «привлекательными». Какую роль в этом выборе играли профессиональные соображения, а какую — некомпетентность и корысть, сказать трудно. Но нетрудно было предположить, что при первых же финансовых потрясениях на Западе в первую очередь там будут бросать на произвол судьбы и под удары надвигающегося шторма именно эти «привлекательные» банки, любезно принимавшие у себя чужие деньги, в том числе российские и арабские. Что и произошло, например, в США.

Потом наступил третий этап: было решено расходовать валютные резервы на так называемые «национальные проекты». Но, во-первых, всерьез не обсуждался ни состав этих проектов, ни их объемы. А ведь даже в советское время проекты директив по долгосрочным планам публиковались, организовывалось пусть бюрократическое и формальное, но все же некое подобие всенародного обсуждения. Теперь же оно было подменено схватками в кабинетах и коридорах власти, на коврах и под коврами. Место решений нации фактически заняли субъективные решения руководства.

Во-вторых, список национальных проектов не был разделен на проекты первой, второй и последующих очередей. Соответственно, с началом кризиса власти оказались не готовы реагировать на возникшие ограничения в ресурсах и необходимость пересматривать масштабы проектов.

В-третьих, финансирование национальных проектов не было организовано хотя бы по давно известной схеме из трех вариантов: оптимистического, нормального, пессимистического. В итоге и в этом отношении мы оказались не готовы к ситуации, когда появились финансовые трудности.

Когда наступил кризис, то нас сначала месяц за месяцем уверяли, что Россию кризис не затронет, затем — что это будет легкое недомогание, затем — что это болезнь, но вполне излечимая. Но не только правительство, весь российский крупный бизнес, прежде всего финансовый, оказался не готов к кризису. Отечественные олигархи погрязли в зарубежных заимствованиях. К 2008 г. корпоративный внешний долг российской экономики достиг 500 млрд. долл. (против 30 млрд. к началу кризиса 1998 г.). При этом преобладали краткосрочные заимствования, которые надо возвращать в ближайшее время. Даже «Газпром» имеет долгов чуть ли не на 50 млрд. долл.

Для российских властей мир финансовой экономики вот уже 20 лет является основным. Реальная экономика интересует власть только в отношении сырьевых и частично оборонных отраслей. В ситуации, когда сырьевые отрасли не могут существовать без внешних рынков, когда сфера потребления не может существовать без внешних

закупок, когда денежные ресурсы размещены за рубежом, ни наш финансовый капитал, ни наша власть не могли не быть задетыми мировым кризисом. Более того, они оказались беззащитными перед ним.

Антикризисные модели

Первый вариант борьбы с разразившимся кризисом можно назвать американским. Точнее, моделью президента Джорджа Буша, так как новый президент США Барак Обама декларирует иные подходы.

Суть модели Дж.Буша состоит в сведении антикризисных мер к «ремонту» финансовой сферы, то есть в использовании государственных средств для помощи «утопающим» держателям финансового капитала.

В Европе же делается попытка не просто оказать помощь, но и наказать тех, кто надувал «финансовые пузыри». Это вторая модель борьбы с кризисом, предложенная президентом Франции Николя Саркози. В ней есть рациональная идея замены всевластия финансовых олигархов «предпринимательским капитализмом». В политике британского премьер-министра Гордона Брауна прослеживается еще более серьезная решимость национализировать провалившиеся частные банки.

В разных странах применяются эти три модели или различные их комбинации.

Перед Россией были открыты два пути: или заставить отечественных олигархов «идти на панель» и продавать свои активы западным кредиторам, или начать оплачивать их «компетентность» из государственного кармана. В результате принятая правительством программа стала вариантом антикризисных мер администрации Дж.Буша. Этот подход состоял во вливании государственных денег в загнавший себя в тупик бизнес. В конгрессе США его образно назвали «спасением жирных котлов», то есть тех, кто и довел дело до кризиса. Но в России эту политику сделали даже еще более примитивной.

Во-первых, в отличие от США, у нас не было публичного обсуждения списка тех, кому давать деньги из госрезерва. Напомню, что конгресс США отбирал претендентов на помощь очень тщательно. Не было создано и серьезного механизма контроля над использованием предоставляемых ресурсов. Между тем в США контроль был настолько жестким, что компания «Форд» вообще отказалась от помощи, когда осознала степень будущего вмешательства государства в ее дела. У нас же даже никто не следил за тем, куда олигархи направят полученные дары — в свою страну или за границу. Сообщалось, что 50 млрд. долл., переданных нашим банкам, сразу ушли за рубеж. И невозможно определить, какая часть этого оттока действительно пошла на покрытие долгов, а какая стала закордонной заначкой наших «жирных котлов».

Во-вторых, в России, по крайней мере вначале, правительство не требовало никаких обеспечений от получателей помощи, поэтому

ее не просил только ленивый. В результате при распределении резервов, как и в советские времена, началось «соревнование» влияний и связей.

В-третьих, помощь была направлена прежде всего банкам и до реального сектора экономики не доходила.

В-четвертых, с учетом печального опыта дефолта 1998 г. правительство решило осуществить постепенную операцию, растянутую на месяцы. Как когда-то написал Евгений Евтушенко, сравнивая казни декабристов и петрашевцев: «казнь мгновенную сменили на пожизненную казнь»...

Что можно сказать о бушевской модели использования средств государственного бюджета для спасения от кризиса погибающих банков и крупных корпораций? В США вещи называют своими именами. В этой стране было такое мощное движение противников спасения (bail-out), что конгресс не решился с ходу проголосовать за весь пакет антикризисных мер, предусматривающий перекачку госрезервов в карманы банкротов. В конгрессе кто-то отметил, что все деятели провалившихся корпораций обеспечили себя «золотыми парашютами». В ожидании краха они выплачивали себе гигантские премии и делали все для того, чтобы спокойно встретить банкротство. Конгресс занял совершенно правильную позицию: «Если мы даем деньги, то должны знать до мелочей, как они будут тратиться».

У нас же в стране жалуются, что обещанные Минфином деньги не доходят до конечных адресатов. Совершенно понятно, почему это происходит. Ведь в правительстве решили давать деньги банкам без обеспечений. Это значит, что любой банк может просить — и просить сколько угодно. Итог логичен: за один месяц после начала государственной поддержки «тонущим» банкам, эти «утопающие», как уже говорилось, ухитрились вывести за границу десятки миллиардов долларов. Или они врили о своих бедах и своих денег у них и так было много, или они переводили именно помощь государства.

Что же до модели президента Саркози, то в XXI в. невозможно просто вернуться к дофинансовому этапу развития экономики. При правильном подходе финансы являются мощным инструментом глобализации. Упор на реальную экономику верен, но надо не отказываться от возможностей финансовой экономики, а правильно их использовать.

Главной же проблемой модели Гордона Брауна, на мой взгляд, является то, что национализация в современных условиях будет означать огосударствление. А нынешнее государство со своими функциями не справилось. Оно несет такую же ответственность за этот кризис, как и олигархи. И если мы сегодня национализацию сведем к тому, чтобы передать дела этому государству, то мы, во-первых, прикроем олигархов, во-вторых, прикроем государство и, в-третьих, сами окажемся в тупике.

Тупик этот нам хорошо известен по нашему социалистическому опыту. Мы хорошо помним, чем кончается огосударствление — волюн-

таризмом, дефицитом и очередями. Даже премьер В.В.Путин, выступая в Давосе, справедливо предостерег от возврата к государственному социализму.

Уместно напомнить, что в свое время Рузвельт для борьбы с кризисом и Великой депрессией решил создать корпорацию долины реки Теннесси — первую американскую государственную корпорацию. В середине 1970-х годов по инициативе А.Н.Косыгина группа ученых (Д.М.Гвишиани, А.Г.Аганбегян, Б.З.Мильнер и я) ездила в США и изучала эту корпорацию. Рузвельт при ее создании сказал, что если ее сделать государственной, то раз в четыре года она будет превращаться в приз, разыгрываемый на выборах. Поэтому он принял уникальное решение: это будет именно национальная корпорация. Советский вариант национализации Рузвельта не устраивал. Да, корпорация национальная, но ни один чиновник, ни один министр, ни сам президент США не будут иметь права вмешиваться в дела этой структуры. Был разработан механизм управления этой корпорацией: три независимых и несменяемых, кроме как по суду, директора...

Вот этот опыт, полагаю, и должен служить нам примером. Да, придется национализировать корпорации проваливших дела олигархов. Но если мы отдадим руководство национализированными предприятиями нашим депутатам, чиновникам и министрам — и у нас, и в Европе ничего хорошего не получится.

В целом ко всем трем комплексам мер (или различным их комбинациям) можно применить знаменитый вывод Генри Форда, сделанный им еще во времена Великого кризиса 1929 г. Форд спрашивал: «Может ли миллион долларов устранить миллион убытка?» И отвечал: «Нет. Так как новый миллион будет истрачен в той же системе, которая породила предыдущий убыток». В ходе «латания дыр» могут быть достигнуты временная стабилизация и даже временный подъем, но неотвратимость нового, более глубокого кризиса не будет устранена.

**Опасности
финансовой
экономики**

Финансовая экономика создала три огромные опасности для будущего нашей цивилизации.

Первая — вторжение в будущее отдельного человека. Мир фиктивного капитала, чтобы питаться, должен был в конце концов добраться до «живой крови». Где он ее нашел?

Одним существенным источником является потребительский кредит. В Соединенных Штатах Америки в среднем до 15% ежемесячного семейного дохода тратится на покрытие кредитов. У нас в России уже одна пятая граждан расходует на те же цели до четверти своих доходов. Другой источник — ипотека. Формально кризис начался на рынке недвижимости. Почему? Ведь недвижимость, казалось бы, самое устойчивое из всего, что есть в экономике. Это не скоропортящийся товар, недвижимость — это на десятилетия. И все же именно тут цепь порвалась. Связано это с тем, что были созданы разветвленные системы рассрочки

оплаты купленной недвижимости. Еще один источник — то, что называют секьюритизацией активов, проще говоря, продажа будущих доходов.

В чем экономический смысл и потребительского кредита, и кредита по ипотеке недвижимости, и продажи будущих доходов? Для того чтобы прокормиться сегодня, спекулятивный капитал залезает в будущие доходы. Он ведь знает, что за будущее ему отвечать не придется. Он заставляет нас тратить наши завтрашние деньги и всеми способами перекачивает их себе в карман. Отсюда исключительная опасность нынешнего мирового финансового кризиса. Один из советников нового президента США Обамы, возможно, самый богатый человек планеты У.Баффет как-то употребил емкий термин — «финансовое оружие массового поражения».

Вторая опасность — вторжение в будущее уже всего общества, человечества в целом. Здесь необходимо обратить внимание на чрезмерную растрату природных ресурсов. Ведь таким образом их лишаются будущие поколения. Если мы их сегодня перерасходуем (а мы их непременно перерасходуем в результате махинаций финансовых группировок), если мы необратимо засорим и испортим окружающую среду, то лишим будущего наших детей, внуков и правнуков.

Третья и главная опасность финансовой экономики состоит в ее принципиальной неспособности эффективно решать проблемы постиндустриальной цивилизации XXI в.

В XX в. произошел огромный подъем производительности труда и эффективности производства. Но он и не свалился с неба, и не является результатом усиления эксплуатации работников. Повысить производительность позволил гигантский рост инвестиций в образование, в фундаментальную и прикладную науку, в культуру, в социальное обеспечение, прежде всего в охрану здоровья и в пенсионные системы.

Неудивительно, что финансовая экономика пытается взять под контроль и формирование, и расходование этих фондов, сделать их одной из главных своих «кормушек». Но и критерии частной выгоды, и временные горизонты финансовой экономики, и персональный, личностный состав ее лидеров и номенклатуры мало приспособлены, а то и вовсе неприспособлены для решения проблем оккупированных финансовой экономикой сфер.

Финансовая экономика в целом оказалась мало пригодной для развития всего того, с чем связано будущее человечества постиндустриальной эпохи. Попытки поддерживать ее государственными рычагами и бюджетными вливаниями, даже реанимировать огосударствление экономики, тупиковость которого доказана опытом, конечно, ослабляют кризис, отдаляют его острую фазу, но не устраняют проблему как таковую. В XXI в. требуется и другая, постиндустриальная экономика, и другое, постиндустриальное государство.

**Необходимость
нового подхода**

Чтобы преодолеть проблемы финансовой экономики, надо решить две задачи:

- устранить финансовую экономику как таковую;
- учредить на ее месте постиндустриальный строй, наиболее соответствующий реалиям современной цивилизации.

О том, что такое постиндустриальный строй, сказано много. Отмечу только его основные черты.

В первую очередь это гармоничное сочетание трех секторов экономики: частного, коллективного и государственного. Раз в экономике действуют независимые субъекты, то политической надстройкой над нею может быть только демократическое государство, так как с древних времен известно, что лучшей формой согласования интересов является демократия. При этом рыночная экономика постиндустриализма должна быть социально ориентированной — распределение «сфер ответственности» между тремя ее секторами не произвольно, а определено объективными факторами.

Частный сектор охватывает отрасли и производства, ориентированные на гибкое следование за спросом, на жесткое соревнование предприятий, на тех, кто желает зарабатывать больше, кто отличается предприимчивостью, готов рисковать.

Коллективный сектор (акционерные компании, кооперативы и т.д.) предполагает большую стабильность, гарантированность доходов, высокую степень их прогнозируемости.

В государственном секторе сосредоточивается то, что невыгодно частному сектору, но необходимо обществу, а также то, что нуждается в особом контроле со стороны общества (например, ядерная энергетика, добыча природных ископаемых или освоение космоса).

Такая экономика, конечно, несовместима с финансовой. Прежде всего необходимо превратить банковскую сферу из центра принятия решений, затрагивающих всю экономику, в безусловно важный, но служебный по своим функциям сектор. Роль банков должна измениться. Большая их часть перейдет под публичный контроль и будет существовать в виде государственных или общественных структур. Частные банки (небольшие, именно для частных целей), конечно, должны сохраниться, но их надо будет строго ограничить по размерам, по форме деятельности и не допускать ни до каких государственных финансов.

Акционерный капитал будет ограничен в размерах и станет преимущественно диверсифицированным, исключая концентрацию слишком крупных пакетов акций в одних руках. Торговля акциями будет регулируемой и публичной. Биржи должны работать только одну неделю в течение полгода, обеспечивая технический переток капиталов, но перестав быть сферой самостоятельного бизнеса. Надо ввести что-то вроде известного из русской истории «Юрьева дня», этого будет вполне достаточно.

Соотношение трех блоков постиндустриальной экономики не статично, а динамично, подвижно. Но ни один из них не должен стано-

виться господствующим. Если восторжествует частное, мы скатимся обратно к финансовой экономике. Если государственное — к бюрократическому социализму. Если коллективное — будет утрачен социальный динамизм. Нужны сотрудничество и конкуренция всех трех секторов.

**Мировая
экономика
постиндустриализма**

В условиях глобализации мировой экономики меры по преодолению кризиса в России и вообще внутри отдельных стран с неизбежностью затрагивают внешнеэкономические отношения, выходят за пределы государственных границ и требуют действий в мировом масштабе. Ограничусь краткими замечаниями о глобальном аспекте экономического кризиса 2008 г.

Во-первых, миру нужна единая, независимая, обеспеченная золотом валюта. Обмен ее на национальные валюты будет осуществляться по курсу, формирующемуся на мировых рынках. Без такой валюты невозможно ни накапливать деньги, ни инвестировать их. Она должна стать якорем устойчивости в мировых бурях.

Во-вторых, требуется создание системы глобального контроля над всей ядерной отраслью (как «мирным», так и военным атомом). Иначе разработку новых национальных «бомб» не остановить. Аналогичный контроль должен быть установлен над космической сферой и всей ракетной техникой.

В-третьих, следует разработать механизм глобального управления природными ресурсами. Страны, на чьих территориях они находятся, должны получать справедливую ренту, но в целом добыча и распределение природных ресурсов должны быть итогом мировых соглашений. Сейчас это касается прежде всего углеводородного сырья. В будущем подобные меры придется распространить даже на пресную воду.

В-четвертых, необходимо глобальное регулирование миграции населения. Иначе цивилизованные страны ожидает судьба Древнего мира, цивилизация которого была уничтожена голодными и потому готовыми на все варварами.

Уже сейчас можно наметить и более отдаленные, перспективные задачи мировой экономики постиндустриального типа. Это борьба с бедностью, выравнивание условий жизни человека на планете (кстати, те, кто сегодня говорит о преодолении разрыва между Севером и Югом, в чем-то следуют ходу мысли авторов советской программы «подъема национальных окраин» СССР). Это жесткое ограничение рождаемости, в особенности для стран, где производительность труда и уровень благосостояния ниже среднемирового. Это противодействие изменениям климата, защита окружающей среды. Это забота о генофонде человечества. Это, наконец, выход человечества за пределы нашей планеты, который когда-то же должен состояться в полном, а не тестовом, как сейчас, масштабе.

Для всего этого потребуются и соответствующее институциональное обеспечение. Мировой банк, новая, полномочная ООН со своими вооруженными силами и полицией, Мировая общественная палата и Мировой общественный суд.

* * *

Подводя итоги, правомерно утверждать, что необходим комплекс гораздо более радикальных и в гораздо большей степени учитывающих интересы народных масс мер по преодолению нынешнего кризиса. Но еще более необходимо изменение всего курса развития. Вместо нового финансового империализма — движение к постиндустриальному обществу.

Крайне важны сроки. Как известно, руководители 20 стран, посоветовавшись в Вашингтоне, отложили вопрос о кризисе на несколько месяцев. Глядя на их умиротворенные лица, я вспоминаю весну 1989 г. Тогда советские лидеры тоже вальяжно и неторопливо обсуждали неотложные меры, не чувствуя, что под ними уже проснулся вулкан...

Особенность кризисных ситуаций в том, что опоздание с нужной мерой на шаг от темпа развития событий вдвое снижает ее эффект, на два шага — делает ее бесполезной, на три — вредной.

И, наконец, самое главное для нас сейчас — принципиально изменить программу борьбы с кризисом в России. Опьянение от «свалившихся» на страну почти без приложения каких-либо усилий значительных валютных резервов и ряд лет солидного бюджетного профицита породили в верхах эйфорию и беззаботность, зазнайство и шапкозакидательство. Сейчас, как и всегда в трудные времена нашей истории, необходимо объединение всех сил России, заинтересованных в новом курсе. От правых до левых. От либералов до социалистов и коммунистов. От западников до патриотов. От молодых до старых. От русских до всех без исключения народов России. Словом, всех, кому Россия дорога. Ведь в обозримом будущем Россия может выжить и процветать только как Россия постиндустриальная. А разные взгляды на будущий российский постиндустриализм можно и нужно обсуждать и согласовывать демократическим путем.